

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Проблемная научно-исследовательская лаборатория
истории, археологии и этнографии Сибири

Народы и культуры
Томско-Нарымского Приобья

Материалы к энциклопедии Томской области

Издательство Томского университета
Томск – 2001

ном ремне), бронзовые и костяные наконечники стрел, бронзовый кинжал. Обнаружены также бытовые предметы: ножи, керамические сосуды. Разнообразны украшения и предметы культа: бронзовые зеркала с фигурками козлов, фигурки лошадей, птиц, золотые серьги, бронзовые заколки для волос и различные подвески, а также бусы – халцедоновые, янтарные, из речного жемчуга, бронзовые.

Система жизнеобеспечения включала скотоводство, зачатки земледелия, охоту и рыболовство. Её важной стороной являлось бронзолитейное производство. Бронзу, возможно готовую, получали с Алтая (см. в ст. *Шеломок-2, поселение*). Кроме того, были распространены косторезное ремесло, обработка кожи, камня, дерева и бересты.

Уникальным памятником Ш.к. является *Усть-Малокиргизский ритуальный комплекс*, 5 – 4 вв. до н.э.: бронзовый котёл на поддоне, засыпанный углями, миниатюрный скифский котёл, бронзовое прорезное навершие, кинжал, шесты вокруг котла – атрибуты ритуалов, связанных с идеей плодородия и благополучия населения Нижней Томи. Анализ погребального обряда и инвентаря привел к выводу о том, что Томское Приобье в 5 – 3 вв. до н.э. было зоной активного взаимодействия тагарской культуры и *большереченской культуры*. Ш.к. входила в круг культур скифо-сибирского мира, являясь сев.-вост. окраиной этого мира. В 3 в. до н.э. в Томское Приобье пришло население *кулайской культуры*. Местное население частично было ассимилировано.

Лит.: Плетнёва Л.М. Савинский курганный могильник – памятник раннего железного века // Северск: История и современность. Томск, 1994. С. 22-34; Она же. Томское Приобье в конце VIII – III вв. до н.э. Томск, 1977. 142 с.; Троицкая Т.Н., Назарова О.Е. Ещё раз о кижировской культуре // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 199-302.

Л.М. Плетнёва.

Э

Эвенки (овонки) – народ в РФ (29,9 тыс. чел.). Живут от побережья Охотского моря на В. до междуречья Оби и Енисея

на З., от Сев. Ледовитого океана на С. до Прибайкалья и р. Амур на Ю., а также на С.-В. Китая. *Ханты* называют Э. келлем, *селькупы* – чумыл-куп, *кеты* – фунбау, *татары* – тонгус, *русские* – тунгусы (устаревшее название).

Э. Томской обл. (89 чел.) относятся к сымско-кетской группе, расселённой, кроме бассейнов рр. Тыма и Кети, в юго-зап. части Красноярского кр. (р. Сым). По данным кон. 19 в., в пределах совр. Томской обл. Э. населяли бассейны рр. Васюгана (включая Вольджу), Тыма, Кети, Чулыма, ср. течение Оби. Они делились на 6 больших родов: Баяки, Чулумби, Кима, Кему, Кильтыны, Турумби и несколько малых. Говорят на шекающем диалекте эвенкийского языка, входящего в тунгусо-маньчжурскую языковую семью; с 1950-х переходят на русский язык. Православные, со значительными следами *шаманизма* и охотничьих культов.

Согласно посл. данным, Э. как этнос сложились на основе смешения аборигенного населения Вост. Сибири, по-видимому родственного юкагирам, с тунгусскими племенами, пришедшими из Прибайкалья и Забайкалья около 1 тыс. н.э. В результате этого смешения наряду с «оленными» и «конными» группами выделяются «пешие» охотники, которые в 16 – 19 вв. заселили междуречье Оби и Енисея.

Перв. контакты с русскими относятся к кон. 16 – нач. 17 в. В 1608 отряд тунгусских воинов под предводительством князя Данула напал на Маковский острог (верхнее течение р. Кети), но был разбит. В дальнейшем развиваются торговые отношения: в обмен на пушнину Э. выменивали у русских металлические изделия, сукно, бисер. С 18 в. Э. стали выходить на регулярные ярмарки – сугланы (в Нарыме, в р-не с. Ярского). По Уставу об управлении инородцев 1822, Э. были поделены на родовые управления во главе с родовыми старшинами, или «князьцами», избираемыми на 3 года. Их обязанности заключались главным образом в отправлении суда и сборе ясака.

По результатам переписи 1925 была выделена сымская группа Э. В 1932 – 1934 в бассейнах рр. Кети, Тыма, Васюгана проводятся предварительные землеустроительные работы,

по итогам которых был создан Орловский сельсовет с Объединением им. братьев Беляевских, в который вошли все эвенкийские семьи этого региона. Центром его становится пос. Орловка, где был построен интернат для детей народов Севера. В 1950-е пос. Орловка был заброшен, объединение упразднено.

Основное занятие «пеших», или «сидячих», Э. – охота на оленя, лося, медведя, а также птицу. Позднее распространилась товарная пушная охота (на соболя, лисицу, белку). Охотились с помощью луков, самострелов, в меньшей мере с использованием ловушек, самострелов и петель. Основным орудием охотника была пальма (кото) – большой нож на длинной рукояти, который использовали как нож и как топор. С помощью пальмы оставляли дорожные метки – «тески» на деревьях, охотились на медведя, расчищали заросли и т.п. Эвенкийские клеёные луки обладали превосходными боевыми качествами, к ним полагался набор стрел с разнообразными наконечниками. С кон. 18 в. распространяются огнестрельное оружие и заводские капканы.

Хозяйственный год делили на 12 – 13 месяцев, названия которых соответствовали видам деятельности или характерным явлениям природы. Охотились с осени до конца дек. («большая ходьба») и с конца янв. по весну («малая ходьба»), группами по 2 – 3 чел. Оленя и лося «добывали» гоном ранней весной, по окончании зимнего промысла. При охоте на оленя применялась берестяная труба (оревун), имитировавшая крик самца, мелких животных приманивали пищалкой (пичавун). По насту ходили на лыжах-голицах (киглэ), по рыхлому снегу – на подбитых камусом (шукшилла). Лыжная палка (шэвгурэ) имела на верхнем конце крючок, которым «шуровали» белку и цеплялись за деревья при подъёмах. Груз перевозили на грузовых или ручных нартах или волокуше из замороженной шкуры. Личные вещи переносили в поняге – наспинной дощечке на лямках с тесёмками, к которым привязывались необходимые в дороге предметы.

Оленеводство имело в основном транспортное значение. Преобладали стада в 20 – 40 голов. Оленей использовали преимущественно под вьюк или для перевозки нарт, в редких случаях для верховой езды. В весенне-летнее время от оленей получа-

ли по 1 стакану молока в день. В апр.-мае несколько семей соединялись и перекочёвывали на удобные для отёла места – возвышенные, сухие, богатые кормом и проточной водой. Для стельных важенок огораживали загоны. В это время проводили праздник нового года – иконипко. Совместный выпас оленей продолжался всё лето. Зимой во время охотничьего сезона олени обычно паслись у стойбищ, где оставались семьи охотников. Нередко стада выпасались вообще без присмотра и собирались только в случае дальних перекочёвок и выездов на торговые пункты. Перекочёвки проходили каждый раз по новым местам: летом – по водоразделам, зимой – по рекам; постоянные тропы-«дороги» вели только к переправам через топкие или труднопроходимые места. Упряжь оленя состояла из недоуздка (уши), седла (лочоко) и подпруги (тынгэптун), при езде верхом женщины опирались о землю палкой (тыевун). Были распространены нарты ненецкого типа, с «бараном» – изогнутой дугой на передке, предохраняющей нарту от ударов о деревья; посадка производилась справа.

Рыболовство имело подсобное значение, им занимались преимущественно в летний период. Основные орудия лова – деревянные крючки с наживкой из оленьего волоса (печер); при подлёдном лове пользовались удочкой (хинда), острогой. По воде передвигались на берестяных или долблёных лодках (дяв) с двухлопастным веслом (уляйву), в прошлом – на плотах (тэму).

Основа традиционной пищи – мясо диких животных и птицы и рыба, варёная или жаренная на вертеле (шилавун). Мясо оленей и лосей заготавливали вялением на солнце в мелко нарезанном виде; сушёное мясо (хуликта) толкли в муку, которую заваривали кипятком или смешивали с ягодами; почки, печень, костный мозг ели сырыми сразу после свежевания туши. Празднично-ритуальным блюдом был сэвэн – мелко крошенное медвежье мясо с прожаренным медвежьим жиром, которое ели сообща, приглашая соседей. Весной в рацион включали молодые побеги сосны, берёзовые плёнки (нижний слой бересты, пропитанный соком), летом – оленьё молоко, ягоды, дикий чеснок (колбу); кашу из сараны. У русских заимствовали печёный хлеб (килеп).

Основной напиток – чай, иногда с оленьим молоком. Курили табак (шар). В прошлом заготавливали муку из клубней сараны и пихтовой коры, а также из сушёной мелкой рыбы.

Зимние стойбища состояли из 1 – 2 чумов, летние насчитывали до 10, во время праздников и более. Чум (дю) имел конический остов из жердей, покрытый покрышками-нюками из ровдуги (выделанной кожи) или вываренной бересты. При перекочёвках остов оставался на месте, нюки сворачивали и перевозили. В центре чума устраивали очаг (того), над ним зимой укрепляли горизонтальную жердь для котла (икэнтун), одним концом привязывавшуюся к шесту каркаса, др. – к специальному шесту, устанавливавшемуся у очага (чимка). Места справа и слева от входа предназначались для хозяйки, дальше – для членов семьи, за очагом против входа (малу) – для гостей-мужчин. Спали в мешках вокруг очага. На улице, напротив входа, располагался костёр, на котором готовили пищу. В прошлом были известны полуземлянки (голомо). Временным охотничьим жилищем служили маленькие сферические чумы (марма). Для хранения мучных продуктов и зимней одежды строили свайные настилы (дэлкэн) или лабазы (нэку). Основная утварь делалась из бересты, были распространены покупные котлы, чайники, чайные чашки (хранившиеся в особом «чайном» ящике).

Одежда состояла из натазников, ноговиц, кафтана из оленьей шкуры, спинка которого была длиннее переда и заканчивалась углом («тунгусский фрак»), полы кафтана связывались на груди завязками; под него надевался нагрудник, длиной выше колен, сшитый из меховых полосок и завязывавшийся сзади. Женский нагрудник имел прямой нижний край, мужской заканчивался углом. Из осенней шкуры оленя шили шубу – парку (хогэтта), к рукавам которой пришивали рукавицы. Зимой шею и голову обматывали длинным шарфом из хвостов пушных зверей (вачи). Летнюю обувь (олочи, унта) шили из кожи, зимнюю – из камусов (шкур, снятых с нижней части ног оленя). Мужчины носили пояс с ножом в ножнах, женщины – с игольницей, трутницей и кисетом. Характерны праздничная круглая шапочка (дэрбэки), расшитая бисером, головной убор из целой шкуры с головы оленя

(авун), у которого отверстия от глаз и рогов зашивали и украшали бисером.

Зимняя одежда шилась из шкур, в редких случаях из сукна; весенне-летняя делалась из ровдуги, вышивалась бисером, украшалась полосками козьего и собачьего меха, бахромой из конского и оленьего волоса, металлическими бляшками, бисером. Полный традиционный костюм Э. дольше всего сохранялся именно среди сымско-кетской группы.

Волосы длиной до плеч носили распущенными, длинные — завязывали пучком на макушке и затылке полоской материи, украшенной бисером (чирэптун), тесьмой или полоской ровдуги. Девушки носили головную повязку (дэрбэки). До 19 в. сохранялась татуировка лица.

Олени находились в собственности отдельных семей или даже членов семьи, но выпасались совместно членами общины. Были сильны формы коллективного распределения, взаимопомощи и т.п. До 20 в. сохранялся обычай (нимат), обязывавший охотника распределять добытого копытного зверя на всех членов группы, наделяя в перв. очередь престарелых членов рода.

Имущество наследовалось по мужской линии, после смерти мужа оставалось в его роде. Родители обычно оставались жить с младшим сыном. Авторитет женщины был достаточно высок. Известны женщины-охотницы. Брак сопровождался уплатой калыма (тэри), отработками за невесту, ему предшествовало сватовство, срок между ними достигал года. Приданое невесты обычно равнялось по стоимости калыму. Известна практика многожёнства. В терминологии родства сохранялись черты классификационной системы.

В 16 – 19 вв. среди Э. была распространена практика подготовки военных вождей — сонингов, чьей обязанностью было защищать родовую группу в случае военной опасности. Они должны были знать приёмы маскировки, отслеживания противника, обладать особой выносливостью, уметь сражаться на «мечех» и пальмах, владеть приёмами бега по снегу и т.п.

Сохранялись шаманизм, промысловые культы. Эвенки верили в существование души (оми), верхнего, среднего и нижнего

миров, сотворение мира 2 братьями и др. Существовали элементы медвежьего культа – обряды, связанные с разделкой туши убитого медведя, поеданием его мяса и др.

Фольклор включал песни-импровизации (икэн), мифы, предания (улгурил), сказки о животных (нимнгакан), загадки (тагивкал). Сказки о животных у сымско-кетских Э. архаичны: их рассказывали лишь во время больших морозов, чтобы способствовать «повороту» солнца на лето; прямая речь героев исполнялась речитативом. Предания рассказывали о легендарных героях – сонингах, о полумифических аборигенных жителях (чулугды), разбойниках-людоедах (булошол). Популярный герой комических бытовых рассказов – Ивуль, эвенкийский аналог Ивана-дурака. Из музыкальных инструментов известен варган (металлический – кэннгипкэвун, деревянный – пэннгипкэвун), из танцев – хоровод (хейро), исполнявшийся под песенную импровизацию.

Игры носили характер состязаний в борьбе, стрельбе из лука в неподвижную и подвижную цели, беге по нетоптаному снегу, прыжках и др.

Лит.: Василевич Г.Н. Сымские тунгусы // Сов. Север. 1931. № 2. С. 132-151; Она же. Кoryтообразная нарта сымских эвенков // Сб. Музея антропологии и этнографии. 1949. Т. 10. С. 93-97; Она же. Тунгусский нагрудник у народов Сибири // Там же. 1949. Т. 11. С. 42-61; Она же. Тунгусский кафтан // Там же. 1958. Т. 18. С. 127-178; Она же. Эвенки: Историко-этнографические очерки XVIII – начала XX в. Л., 1968. 304 с.; Горохов С.Н. Эвенки // Народы и религии мира: Энциклопедия. М., 1998. С. 649-650; Максимова И.Е. Военное дело у сымско-кетских эвенков // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск, 1993. С. 92-104; Она же. Астрономические представления у сымско-кетских эвенков // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 161-165; Она же. Тунгусский ойкос (по материалам сымско-кетской группы эвенков): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994. 20 с.; Соколова З.П. Заметки об эвенках бассейна Кети // Тр. Ин-та этнографии. 1962. Т. 78. С. 165-175; Шатилов М.Б. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района // Тр. ТКМ. 1927. Т. 1. С. 139-167.

И.Е. Максимова.

Энеолит, медно-каменный век (халколит, медный век), на территории Томской обл. датируется кон. 3 – перв. четв. 2 тыс. до н.э. Э. обычно определяется как переходный период от эпохи *неолита* к *бронзы эпохе*. Э. означает время, когда появляются перв. изделия из меди, но основным сырьём для изготовления орудий